

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 371(47+57) «19/20»+495

А. Т. Кузин

САХАЛИНСКИЕ КОРЕЙЦЫ: ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ (1925–2000-е гг.)

Казалось бы, уже немало сказано и написано об острове Сахалин. Но в истории населяющих его народов по-прежнему остаются малоизученные или совсем неизвестные страницы. Одна из них — становление и развитие корейской школы.

В 1925–1930-е гг. ситуация со школьным образованием на Сахалине была следующей. В соответствии с декретом ВЦИК от 4 января 1926 г. в состав образованного Дальневосточного края вошли девять округов, в том числе и Сахалинский, где проживали 11,8 тыс. человек [1, с. 185], из них 487 корейцев [2, Ф. П-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 15].

Экономические и социально-бытовые особенности исторического прошлого Сахалина обусловили его общую культурную отсталость. Трудности усугублялись разбросанностью селений при чрезвычайно плохом состоянии путей сообщения, наплывом случайного контингента переселенцев при крайне низком уровне грамотности местного населения и почти полной безграмотности пришлых корейцев.

По данным Всесоюзной школьной переписи, в 1927 г. в Сахалинском округе существовала одна национальная корейская школа на 30 учащихся, которая находилась в селении Кефь Рыбновского района, а через год в городе Охе открылась вторая с общим охватом 76 учащихся, или 39% детей школьного возраста, тогда как среди русских этот показатель составлял 89% [3, Ф. 4549. Оп. 2. Д. 54. Л. 37]. Такое соотношение сохранялось до 1932 г., а затем оно еще более ухудшилось, так как увеличить корейскую школьную сеть не представлялось возможным. Преподавание велось на родном языке, а русский язык в качестве обязательного предмета вводился со второго года обучения. В школах 1-й ступени учеба продолжалась 5 лет, а в школах 2-й ступени — 6 лет [4, Ф. П-61. Оп. 1. Д. 338. Л. 15; Оп. 2. Д. 54. Л. 37–38]. В городе Александровске функционировала вечерняя корейская школа. Для взрослого населения организовывались пункты ликвидации безграмотности (ликбезы), группы индивидуального обучения, где занятия вели так называемые «ликвидаторы».

Первой советской книгой для корейцев стал букварь для взрослых «Долой неграмотность». В 1926 г. вся национальная печатная продукция состояла из следующих книг: букварь «Красное дитя», «Первая книга после букваря», «Вторая книга после букваря», «Азбука матери», учебник политграмоты, методическое пособие по народному образованию «Новым путем», сборники о ленинской национальной политике, участии молодежи в классовой борьбе, раскрепощении женщины, едином сельхозналоге, рисосеянии и Кодекс законов о труде [4, Ф. П-61. Оп. 1. Д. 704. Л. 64, 66]. Всего за шесть лет советской власти на весь Дальний Восток удалось издать на корейском языке до 180 тыс. экземпляров книг и брошюр [5, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189. Л. 352]. Выпускалась печатная продукция корейско-китайской типографией в Хабаровске [3, Ф. 2413. Оп. 4. Д. 38. Л. 18].

Повсеместно проходили агиткампании по ликбезу с привлечением работников сферы культуры и использованием различных форм работы: беседы и рассказы о грамотности, агитационные речи и доклады, «живые» журналы, расклейка и раздача объявлений о порядке занятий с неграмотными, устройство вечеров агитации за грамоту, торжественных выпусков с чествованием обучившихся, публикация списков ликвидировавших неграмотность в печати и стенных газетах с помещением их фотографий, запись на «Красную доску почета», поощрение книгами, организация выставок учащих. Действенным средством служили меры морально-общественного воздействия и в их числе — устройство показательных судов над неграмотными, выдвижение обучившихся грамоте на общественно-советскую и профессиональную работу. Использовалась и экономическая заинтересованность путем предоставления льгот при распределении ссуд в кредитных учреждениях и кассах взаимопомощи, семенных ссуд и сельхозинвентаря на прокатных станциях. Вся работа велась под лозунгами «Долой неграмотность», «Грамотный — обучи неграмотного».

На развитии школьного дела сказывался низкий уровень подготовки педагогических кадров. В 1929 г. из 83 учителей ни один не имел высшего образования, с незаконченным высшим было 7, со средним — 50, неполным средним — 14, с низшим — 12 [2, Ф. П-2. Оп. 2. Д. 3. Л. 78]. Характерно, что специальные проверочные комиссии выявляли учителей с «недостаточной политической сознательностью», которые считались «опасным и враждебно настроенным элементом». В документах той поры выявлены такие характеристики: «проводники кулацкой идеологии», «общественно безактивные», «требуется смена мозгов», «мешает всем мероприятиям советской власти», «нуждается в направлении по советскому руслу», «может учительствовать, но под идеологическим контролем» [2, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 93. Л. 45]. При такой политической фильтрации, к примеру, в Рыковском районе из 23 учителей только 5 признавались соответствующими классово-партийному лицу школы [2, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 37. Л. 9]. Среди корейского учительства положение было еще хуже, и здесь вообще преподавали едва грамотные люди.

Характерна в этом отношении запись в протокольном отчете о работе Сахалинского окружкома ВКП(б) в 1929 г.: «Преподаватель обществоведения, хотя и окончил факультет общественных наук МГУ <...> с работой справиться ни в коей степени не мог. Наделал целый ряд ошибок и вообще выявил себя как политически безграмотный и плохо методически подкованный <...> ученики прямо стали избегать уроков обществоведения. Заменить же преподавателя было нечем, приходилось мириться» [2, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 37. Л. 8]. С наступлением лета наблюдался большой отток учителей на материк, часть из них не возвращалась.

Во исполнение партийно-правительственных директив ставились задачи завершить переход к всеобщему начальному образованию, ликвидировать безграмотность среди взрослого населения, упразднить «карликовые» школы, заменив их укрупненными интернатного типа, укрепить классовую сущность школы путем оказания беднейшим слоям материальной помощи, выделения специальных средств на стипендии, приобретения учебников, одежды и питания, а также создания для каждой школы фонда за счет средств комитетов крестьянской взаимопомощи, кооперативов и сельскохозяйственного самообложения [6, с. 82]. В 1937 г. в связи с депортацией корейцев в районы Средней Азии и Казахстана их сахалинская история была прервана.

После Великой Отечественной войны (1945 г.) на освобожденном от японцев Южном Сахалине осталось 23,5 тыс. корейцев [7, Ф. 171. Оп. 3. Д. 7. Л. 122]. В 1946–1949 гг. по трудовой вербовке из Северной Кореи еще прибыло более 26 тыс. человек [7, Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 27] и около двух тысяч из Казахстана и Узбекистана [2, Ф. П-4. Оп. 1. Д. 416. Л. 26–29; Д. 417. Л. 1–2]. Усилиями местных органов власти была сформирована широкая сеть корейских школ. Но качественный состав кадров не соответствовал своему назначению и в 1951 г. представлялся в такой характеристике: высшее образование имели 38, незаконченное высшее — 53, среднее — 68, неполное среднее — 11 и 57 — без всякого образования [7, Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 51–52].

Осуществлялись меры по материально-хозяйственному обслуживанию школ и педагогов. В условиях жесткой послевоенной карточной системы выделялся специальный фонд товаров из расчета на каждого учителя: пальто или костюм, сапоги или ботинки, две пары нижнего белья, две пары носков или чулок. Каждому учителю предоставлялось право закупить 250 кг картофеля или овощей, необходимое количество соли для консервирования сельхозпродуктов. Предусматривалось: для каждого класса — железная печь, одна парта на двух учащихся, книжный шкаф, ученический стол и стул, классная доска, счеты для учеников первого класса, один бачок для кипяченой питьевой воды на четыре класса; для учительской — пять книжных шкафов, один стол для двух учителей, стул для каждого учителя, диван, счеты канцелярские, бачок для питьевой воды, вешалка; для кабинета директора — стол, три стула, шкаф, этажерка, диван, кресло и обязательно портреты руководителей партии и государства [7, Ф. 171. Оп. 1. Д. 35. Л. 203–206].

В воспитательных целях осуществлялась комплексная система мер:

- проведение учета всех детей 1–4-х классов, оставшихся без родителей, и детей, родители которых по характеру работы или материально-бытовым условиям не в состоянии были обеспечить надзор за детьми;
- посещение зрелищных учреждений только в организованном порядке или в сопровождении родителей;
- установление в зрелищных учреждениях в выходные и праздничные дни дежурства учителей, родительского, профсоюзного и комсомольского актива;
- запрещение просмотра детьми вечерних киносеансов и концертов, а также участие детей в различного рода рыночной торговле;
- открытие детских комнат в милиции и домоуправлениях;
- проведение в трудовых коллективах собраний по вопросам воспитания в семье [7, Ф. 262. Оп. 1. Д. 27. Л. 114–116].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 13 октября 1956 г. № 1414 осуществлялись меры помощи женщинам-матерям, работающим на предпри-

ятях и в учреждениях городской местности. В силу занятости на работе они не имели возможности обеспечивать должный надзор за детьми после возвращения их из школы. Поэтому для таких детей создавались специальные группы с пребыванием в школе сверх нормативного учебного времени и вводились должности педагога-воспитателя на 35–40 учащихся. Для всех учеников продавались горячие завтраки, для занимающихся в группах продленного учебного дня организовывалось горячее питание, а 15% учащихся этих групп из малообеспеченных семей оно предоставлялось бесплатно [2, Ф. П-4. Оп. 62. Д. 4. Л. 105].

К середине 1950-х гг. завершился переход к обязательному семилетнему образованию. К этому времени функционировали 57 начальных и 17 семилетних корейских школ, где работали 170 учителей. Из них 57 не имели ни советского гражданства, ни педагогического образования [7, Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 51–52]. В отношении этой категории проводились регулярные чистки на предмет установления их профессиональной пригодности и политической благонадежности.

В конце 1950-х гг. в соответствии с директивами правительства повсеместно прошла реорганизация советской школы в целях укрепления ее связи с жизнью. Семилетние школы преобразовывались в трудовые политехнические восьмилетки, а восьмилетние — в десятилетки с производственным обучением. Данный процесс коснулся и корейской школьной сети, которая стала осуществлять переход ко всеобщему восьмилетнему обучению. К этому времени в старших классах школ, в вузах, техникумах и училищах была отменена плата за обучение [7, Ф. 53. Оп. 25. Д. 1001. Л. 75; Д. 1006. Л. 12].

На основании постановления Совета Министров СССР от 27 августа 1959 г. № 1025 выпускники средних общеобразовательных школ, как дневных, так и вечерних, за отличные успехи в учении, труде и примерное поведение стали награждаться золотыми и серебряными медалями, что давало им преимущественное право при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения [2, Ф. П-4. Оп. 62. Д. 38. Л. 34–35]. Для студентов институтов, учащихся техникумов и училищ заочной и вечерней форм обучения в период сдачи экзаменов и зачетов устанавливался дополнительный отпуск от 10 до 40 календарных дней с сохранением среднемесячной заработной платы, но не свыше 1000 руб., а в период подготовки и защиты дипломного проекта — 2–4 месяца и дополнительный неоплачиваемый месячный отпуск, но с получением стипендии на общих основаниях. Половина стоимости проезда к месту нахождения учебного заведения оплачивалась за счет предприятия и учреждения [2, Ф. П-4. Оп. 62. Д. 37. Л. 29].

Основная установка на подтягивание культурно отсталого корейского населения, несомненно, проводилась в жизнь. Общая численность учащихся возросла до 7,2 тыс. [2, Ф. П-4. Оп. 83. Д. 3. Л. 22]. По охвату детей школой корейцы находились на третьем месте, уступая лишь русским и украинцам и опережая все другие национальности. Однако в мае 1963 г. последовало партийно-советское решение о реорганизации всех корейских школ в общерусские, поскольку считалось, что они выполнили свои задачи и не имеют дальнейших перспектив [2, Ф. П-4. Оп. 83. Д. 3. Л. 23].

В результате сфера корейского языка и национально-культурного пространства заметно сузилась. Начался процесс вытеснения национальной самобытности. Деформировались межнациональные отношения. Родная речь звучала только в семейно-бытовой сфере. Формировалась отчужденность к национальной культуре. Угасали общественное самосознание и общий этнический фон. Все эти явления проходили мимо внимания властных структур, озабоченных лишь односторонними действиями по ут-

верждению единой общности «советский народ». По итогам переписи 1989 г., из проживавших в Сахалинской области 35,2 тыс. корейцев своим родным языком считали корейский 12,9 тыс., или 36,6%, тогда как в 1959 г. — 39,7 тыс., или 93,8% [7, Ф. 3. Оп. 2. Д. 118. Л. 44; Д. 19. Л. 48].

Выросло уже не одно поколение, не знавшее родного языка и тем более национальной письменности. Общепринятым считалось, что корейцы должны благодарить советскую страну за избавление от японского колониального рабства и за то, что нашли в ней свою вторую родину. По данным опроса, только 55% респондентов осознавали потребность в знании корейского языка.

2000-е гг. Нынешний процесс культурного возрождения разворачивается по многим направлениям. Однако реальная сфера применения корейского языка до сих пор ничтожно мала. Не определены пока ни уровень потребности, ни перспективы расширения языковой среды. Школа не дает достаточных знаний корейского языка и культуры. В силу этого возникает репетиторство, требующее дополнительных денежных расходов семьи. При нехватке бюджетных средств школы вынуждены собирать дополнительные средства с родителей.

В региональной системе образования ведущее место занимает Сахалинский государственный университет, объединивший разноуровневые учебные заведения: Педагогический институт, Южно-Сахалинский и Александровск-Сахалинский педагогические колледжи, Сахалинский театральный колледж. Ныне в структуре СахГУ 7 институтов, 2 факультета, 3 колледжа, где обучаются более 7 тыс. студентов и аспирантов. В составе преподавателей 30 докторов наук и профессоров, 140 кандидатов наук и доцентов, 25 действительных членов и членов-корреспондентов различных российских и международных академий наук.

Совместно с Сеульским национальным университетом, а также Университетом Ёнсе (г. Сеул), Институтом иностранных языков Хангук (г. Сеул), Университетом Донгсо (г. Пусан), Институтом Куми Иль Тэхак (г. Куми) на договорной основе реализуются различные грантовые программы, проводятся научные исследования. Организуются курсовая подготовка преподавателей и стажировка студентов на базе вузов и учебных центров Республики Корея, а в Университете Донгсо на основе конкурсного экзаменационного отбора учеба сахалинской корейской молодежи осуществляется за счет южнокорейской стороны. Расширению международного сотрудничества СахГУ способствует проведение российско-корейских симпозиумов, развитие интеграционных связей со странами СНГ.

В учебном процессе и научно-исследовательской работе участвуют вошедшие в структуру СахГУ Российско-Американский центр бизнеса, центры повышения квалификации и переподготовки, информационных технологий, социально-экономических исследований, археологическая лаборатория, а также собственное издательство, выпускающее в год не менее 100 наименований учебной и научной литературы. Все это дало СахГУ возможность стать динамично развивающимся вузом.

Престижность высшего образования хотя и стимулирует процесс его получения, но определяющую роль здесь нередко играют не личные способности и достигнутый уровень знаний, а материальные возможности семьи. Более состоятельные, как правило, обеспечивают своим детям гарантию поступления в вузы, и не только отечественные, но и зарубежные. Эта же категория семей в состоянии воспользоваться и услугами различного рода репетиторов, системой курсовой подготовки. Такая ситуация в общественном сознании воспринимается как социальная несправедливость.

В целом учебные заведения успешно решают всеобщую задачу подготовки высококвалифицированных специалистов различных отраслей знания, укрепления кадрового потенциала Сахалинской области, который пополняется и за счет корейской молодежи.

Исследуемая тема носит не только постановочный, но и прикладной характер, и, как нам представляется, очевидна государственная заинтересованность в признании актуальности разработки согласованной программы действий по возрождению корейского языка на Сахалине.

Архивные источники

1. Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945). Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1967. 756 с.
2. Сахалинский центр документации новейшей истории (СЦДНИ).
Фонд П-1 — Уполномоченный Дальбюро ЦК РКП(б) на Северном Сахалине.
Фонд П-2 — Сахалинское окружное партийное бюро. Сахалинский оружкой ВКП(б).
Фонд П-4 — Сахалинской обком КПСС.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ).
4. Государственный архив Приморского края.
Фонд П-61 — Приморский губком РКП(б).
5. Государственный архив Хабаровского края.
Фонд П-2 — Дальневосточный краевой комитет ВКП(б).
6. Первый съезд Советов Сахалинского округа (протокольный отчет). Александровск-Сахалинский: Издание окрисполкома, 1929. 82 с.
7. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО).
Фонд 3 — Сахалинское областное управление статистики.
Фонд 53 — Сахалинский областной совет народных депутатов.
Фонд 171 — Южно-Сахалинское областное управление по гражданским делам.
Фонд 262 — Южно-Сахалинский городской совет народных депутатов.